

9. Gooch, G. P. History and Historians in the XIX-th century / G. P. Gooch. – L. : Longmans, 1952. – 400 p.
10. Hildreth, R. The History of the United States : in : 6 vol. / R. Hildreth. — N.Y. : Harper and Brothers, 1849–1852.
11. Liberator. – 1844. – Aug. 16.
12. Phillips, W. Speeches, Lectures and Letters / W. Phillips. – Boston: Beacon Pr., 1936. – 248 p.
13. Pingel, M. M. An American Utilitarian: Richard Hildreth as a Philosopher / M. M. Pingel. – N.Y. : Columbia University Press, 1948. – 214 p.

Белецкая Е.М., Великая Н.Н.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О КОМАНДИРЕ СУНЖЕНЦЕВ Н.П. СЛЕПЦОВЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Основные военные действия, происходившие в Чечне и Дагестане в первой половине XIX века, и личности, с ними связанные, получили оценку не только в научной литературе, но и в фольклоре противоборствующих сторон. Фольклорные произведения, характеризующие коллективное мировоззрение, позволяют по-новому взглянуть на ментальные представления казаков и горцев, бытовавшие в рассматриваемый период. В этой связи заслуживают внимания и сравнения песни и предания чеченцев и линейных казаков о Н.П. Слепцове (1815–1851). Талантливый военачальник, генерал-майор Николай Павлович Слепцов с 1845 по 1851 гг. был командиром 1-го Сунженского полка Кавказского Линейного казачьего войска, награждён орденами Св. Святослава, Св. Анны, Св. Георгия, Золотой саблей с надписью «За храбрость». Н. П. Слепцов был убит в Чечне при штурме Гехинского завала в 1851 г.

О Н.П. Слепцове, умелом и бесстрашном генерале, писали многие авторы, отмечавшие его выдающиеся военные успехи [1; 4, с. 134–136; 6, с. 68–70; 7 и др.]. Историческая память терского казачества также сохранила песенные сюжеты, связанные с личностью Н.П. Слепцова. Одни из них опубликованы, другие сохранились в рукописном сборнике конца XIX века из ст. Червлённой. Источниками послужили и полевые записи Е.М. Белецкой, сделанные в станицах Сунженского и Шелковского р-нов Чечено-Ингушской АССР в 1970–1980 гг.

Песенные сюжеты можно расположить в следующем порядке: 1) командир Сунженского полка посещает лагерь казаков; 2) казаки готовы к походу под началом Слепцова; 3) сунженцы возвращаются в станицу «из набега удалого»; 4) Слепцов погибает на поле боя; 5) казаки вспоминают День Слепцова. Песни образуют законченный цикл, причём в нескольких вариантах, как текстовых, так и мелодических.

Песня о посещении Слепцовым весеннего казачьего лагеря бытовала на Тереке и в конце XX века:

Мы стояли на горе // На зелёной на траве. // Припев: Ей, ей, молодцы, // Храбры мы сунженцы! // Мы стояли возле будки, // К нам приехал Слепцов в бурке: // – Вы здоровы, казачки, // Стрижены головочки? // Но вас Богом я прошу: // Не ходите вы в корчму. // Вы там денежки пропьёте, // А в поход вы с чем пойдёте? // Вас отцы будут встречать, // А вам нечем отвечать...

Укоряет командир казаков и за то, что они «добрых коней распродали, / Сударушек посправляли, / Порезали чепраки – / Девкам шили башмаки». Ответные действия воспринимаются в песне как справедливое наказание:

А сказали: «Слепцов злой». // Слепцов – батюшка родной: // Он положит, станет бить – // С плеч рубашечка летить. // Но хоть больно он нас бьёт, // Да под суд не отдаёт [10, с. 64–65, 68].

В песне о готовности к предстоящему походу есть слова, характеризующие отношение казаков к Н.П. Слепцову:

Скоро, братцы, нам в поход, зима наступает, // Злой Шамиль зовёт нас в бой и не унывает. // Для нас вызов – не беда, был бы Слепцов с нами, // С ним готовы хоть куда на конях орлами... [8, № 83].

Тема смерти полководца представлена двумя группами песенных вариантов. В традиционном сюжете текст начинается с символического образа вечерней зари, предвещающей несчастье. Вместе с тем описание смерти на поле боя передаётся с учётом реальных деталей: в головах – «знамя распущенное» (в варианте А.З. Калинина, 1905 г.р., запись 1976 г., ст. Троицкая – «лежит всё сидельце»); в ногах стоит добрый конь, по бокам – полки снаряженные, все слепцовские. Есть и образ плачущих казаков [3, с. 323].

В песнях книжного характера, фольклорных по бытованию, тема смерти раскрывается в ином ключе, с преобладанием патриотических мотивов:

...Он орлом пред нами мчался, // Сам повсюду успевал, // С пашкою в толпы кидался // И дружину поощрял [8, № 113].

«В память храброго Слепцова» было создано две песни: «Вспомним, братцы, про былое» и «Что не соколы летают», в которой казаки вспоминают День Слепцова, всегда праздновавшийся ещё при жизни полководца. Во второй песне, записанной в ст. Нестеровской в 1977 г. от К.А. Бузуверова, 1909 г.р., есть следующие строки:

...День Слепцова вспоминают, // Впереди полка идёт. // Он за веру, честь державы // На победу поведёт.

Таким образом, казаки свято хранили память о Н.П. Слепцове, к полководческому таланту которого они относились с полным доверием; они воспевали его необычайную храбрость, неустрашимость и справедливость.

Образ Слепцова нашёл отражение в фольклоре, в художественной литературе и в научных работах чеченцев и ингушей (Х.Д. Ошаев, А.А. Сулейманов, И.А. Дахкильгов и др.) [см.: 2, с. 93], где отмечалось, что в честь храброго русского генерала Слепцова чеченцы, отдававшие должное его отваге, называли своих сыновей «Сипсо».

К 300-летию Терского войска (1877 г.) генералом И.Д. Попко был собран уникальный материал, в том числе и песни, сложенные о Н.П. Слепцове чеченцами. Историком Ю.Ю. Клычниковым в Центральном государственном архиве республики Северная Осетия-Алания эти фольклорные произведения были обнаружены и опубликованы [5, с. 19–21].

В одной из чеченских песен обрисована жизнь сунженских станиц до появления Слепцова: «...казаки были бессильны держаться против чеченских удалцов. Куропатка, чтобы не быть заклёванной сизокрылым орлом, ищет спасения под кустарником, так и казаки, чтобы спастись от чеченских удалцов, готовы были бежать за Терек» (с реки Сунжи, правого притока Терека). Однако появление Слепцова изменило ситуацию. «...Как лиса, нечаянно попавшая в капкан, наткнулись молодцы на неизвестного до тех пор божьего врага Слепцова. Как сизокрылый орел разбивает стаи скворцов, так рассеял Слепцов наездников чеченских».

Вторая песня, наполненная характерными для горского фольклора сравнениями, рассказывает о Садуле Бетыхове (бывшем наibe Шамиля), который «накинул бурку, точно крылья орлиные, окутал голову башлыком, точно соколиный клюв, волком вскочил на коня, надел своё оружие и, подобно разъяренному медведю, поехал с несколькими товарищами дневать в камышах, росших в Ачхой-поле. Садула засел на самом возвышенном месте, а товарищей посадил на низких местах». Слепцов узнал об этом от лазутчика. «Колокол ударил тревогу, и собралось войско». Слепцову удалось окружить отряд Садулы, и он так обратился к противнику: «...много сирот ты оставил на свете. Полететь до неба тебе далеко, укрыться в землю – земля тверда». «Полететь в небо, – отвечает Садула, – у меня есть вместо крыльев ружьё, укрыться в землю – у меня есть вместо когтей булатная пашка». Слепцов предлагает противнику сдаться, но тщетно. Тогда он приказывает войску захватить Садулу, но оно действует нерешительно, «и тогда Слепцов сам выступил вперёд, чтобы вести войско на Садулу. Все товарищи Садулы были убиты, но один Садула остался живым и ускакал на своём добром коне...».

Третья песня характеризует Слепцова, как ястреба, который собирал офицеров и казаков с намерением «набрать пленных и красных девушек, вышедших замуж, оставить чёрными вдовами... Весть об этом пронеслась по всем горам. Садула Бетыхов обрадовался такому случаю, как самый голодный волк между других голодавших волков». Многократное упоминание волка в чеченских песнях не случайно. У чеченцев это животное

было окружено особым почитанием. Существовало личное имя Борз (волк), целый тайп в верховьях Чанты-Аргуна назывался Борзхой. До сих пор у чеченцев сохранились похвалы: «борз сана майра» – храбр, как волк; «турпал борз» – геройский, сильный волк и др. По этому поводу П.К. Услар писал, что волк – самый поэтический зверь в понятиях горцев, он идёт на более сильного, и недостаток силы возмещает отвагой, дерзостью и ловкостью [см.: 9, с. 232].

Далее в песне сообщается, что Садула Бетыхов собрал своих товарищей, удалых молодцов, и поехал с ними к русскому войску. Как галки окружают гумно, так и Садула со всех сторон окружил Слепцова. «Теперь настал день, бог рассудит, кто из нас молодец и больше храбр и чьей отваге будет успех». Песня во многом повторяет предыдущие эпизоды, но в них противники меняются местами. В повествовании используются те же вопросы и сравнения; сообщается, что Садула ранил Слепцова, который упал, и святые взяли его душу.

Ещё в одной чеченской песне утверждалось, что Гарман-поле (пространство между реками Асса и Сунжа) «гордится, когда ходит по нему Слепцов... Слепцов известен по всем горам, как известен лев среди лесов между диких зверей. Как волк, он может делать всё». Такой вывод был вполне понятен и местному казачеству. В чеченском фольклоре Слепцов, несомненно, противник, но он сравнивается с сизокрылым орлом, ястребом – птицами, весьма почитаемыми чеченцами. Он именуется львом и волком – животными, которые у горцев олицетворяли силу и храбрость. Подобное отношение к русскому военачальнику в период жёсткого противостояния свидетельствовало о том, что противники видели не только отрицательные качества, беды, которые они несли друг другу, – они умели ценить храбрость, которая не имела национальной окраски. Эти произведения показывают, что Н.П. Слепцов, почитаемый казаками, пользовался уважением и со стороны «немирных» горцев.

Таким образом, проанализированные произведения позволяют утверждать, что в оценке Слепцова чеченский и казачий фольклор были близки. В циклах песен прославлялись его неустрасимость, храбрость. Фольклор отразил реальные качества этого человека и ту обстановку, которая существовала на Северо-Восточном Кавказе во второй половине 40-х гг. XIX в.

1. Виноградов, В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал» / В. Б. Виноградов // Лица российской истории Северного Кавказа. – Вып. 2. – Армавир: государственное унитарное предприятие «Армавирское полиграфпредприятие» комитета по печати администрации Краснодарского края, 2000. – 12 с.

2. Виноградов, В. Б. Образ генерала Н. П. Слепцова в чечено-ингушском фольклоре и литературе / В. Б. Виноградов // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир: АМО фонда культуры кубанского казачества, 2000. – С. 93.

3. Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. (Библиотека русского фольклора; Т. 7). – М.: Русская книга, 2001. – 528 с.

4. Караулов, М. А. Терское казачество / М. А. Караулов. – М.: Вече, 2008. – 320 с.

5. Клычников, Ю. Ю. Командир Сунженского казачьего полка Н. П. Слепцов в песнях чеченцев / Ю. Ю. Клычников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир: ИП Шурыгин, 2014. – С. 19–21.

6. Лукаш, И. Слепцов – командир Сунженского казачьего полка / И. Лукаш // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Краснодар; Армавир: ККОФ кубанского казачества «Линсец», 2004. – С. 68–70.

7. Ратушняк, В. Н. Неустрасимый генерал / В. Н. Ратушняк. – Краснодар: Издательско-полиграфическая фирма «Экоинвест», 2001. – 52 с.

8. Рукописный сборник конца XIX века казаков 4-й сотни Лейб-гвардии его императорского величества конвоя Ф. Рогожина, С. Пимычева, Я. Феньева (ст. Червлённая). – 54 л.

9. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 318 с.

10. Терек вспышный: Песни гребенских казаков / сост. Е. М. Белецкая. – Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. – 258 с.

Власова Н.В.

ВИТЕБСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПРОКУРОР Н.Ф. ДУБЕНСКИЙ:

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Николай Филиппович Дубенский принадлежал к русскому дворянскому роду, внесённому в 6-ю часть Дворянской родословной книги. Н.Ф. Дубенский родился в 1814 г. в семье Филиппа Ивановича и Матрены Кирилловны Дубенских, которые владели имением в Рязанской губернии. Службу он начал, имея университетское образование, в 1836 г. в канцелярии 7-го Департамента Правительствующего Сената. В 1841 г. Н.Ф. Дубенский был перемещен в Департамент Министерства юстиции и определен на вакансию младшего помощника столоначальника, в 1843 г. – переведен в канцелярию Главного директора Межевого корпуса на вакансию старшего секретаря, в 1848 г. – определен в Департамент уделов столоначальником, в 1853 г. – утвержден старшим столоначальником. В 1856 г. чиновник был переведен в Министерство внутренних дел (МВД) с назначением советником, а с 1858 г. – старшим советником Рязанского губернского правления. В 1863 г. он был причислен сначала к МВД, потом – к Департаменту Министерства юстиции и в мае 1864 г. командирован к исправлению должности товарища председателя Гродненской гражданской палаты, в которой был утвержден в январе 1865. В октябре 1866 г. Дубенского назначают витебским губернским прокурором, в январе 1867 г. – директором Витебского о тюрьмах комитета. Эти должности чиновник занимал недолго: с 30 мая 1868 г. приказом по ведомству Министерства юстиции от 1 июня того же года он был назначен членом Владимирского окружного суда.